

Лексика, обозначающая гнев, граничащий с психической болезнью, в русском, польском и чешском языках

© кандидат филологических наук Е. Е. Стефанский, 2007

Лингвисты, активизировавшие в последние годы интерес к концептуализации эмоции гнева в разных языках [см. 2, 3, 4, 5, 6, 7], а также к сопоставительному изучению соответствующих языковых единиц и вербализующихся в них концептов, обычно сосредоточивают внимание на сопоставлении далеких с точки зрения родства или вообще неродственных языков и столь же различных лингвокультур [см. 2, 5].

Между тем микросистемы языковых единиц, в которых вербализовалась эмоция гнева, даже в таких близкородственных языках, как русский, польский и чешский, обнаруживают весьма яркое своеобразие. В настоящей статье будут рассмотрены языковые средства, обозначающие гнев, граничащий с психической болезнью. Эта микросистема находится на периферии семантического поля гнева во всех трех сравниваемых языках, тогда как центральное место в этом поле занимают лексемы *гнев, злоба, злость, ярость* и их польские и чешские соответствия.

Лексические единицы, которые сопоставляются в данной статье (см. русск. *бешенство, неистовство, исступление, безумие, безумство*, польск. *wściekłość, szal, furia, pasja*, чешск. *vztek, šílenství*) объединяет то, что все они могут использоваться как для передачи гнева, так и для обозначения сумасшествия, безумия, бешенства в их медицинском, психиатрическом смысле ср., например:

‘Злость’	‘Сумасшествие’
Вот только я даже адреса Беаты не знаю; она, правда, оставила мне номер телефона, но даже сама мысль, что на том конце линии может отозваться мужской голос, доводила меня до белого каления . Tylko że ja przecież nie znałem adresu Beaty; zostawiła mi wprawdzie telefon, ale myśl, że po tamtej stronie drutu mógłby się odezwać męski głos, doprowadzała mnie do szału . (Сосновский).	Бенгальского пробовали уложить на диван в уборной, но он стал отбиваться, сделался буен . Bengalskiego próbowano położyć na kanapce w garderobie, ale zaczął się wyrywać, wpadł w szal (Булгаков).
[Людовик] бесился , что Коутецкие демонстрируют его как свидетельство своей благотворительности. Бесился , что вынужден при обряде целовать обслонявленный крест (Кундера). Zuřil , že ho Koutečtí vustavují jako doklad své dobročinnosti. Zuřil , že musí při obřadu libat poslintaný kříž.	Самым буйным был господин, выдававший себя за шестнадцатый том Научного энциклопедического словаря Отто. (Гашек) Nejzuřivější byl jeden pán, kerež se vydával za 16. díl Ottova slovníku naučného.

<p>Он [Бек-Агамалов], с глазами, налившимися кровью, оглянулся кругом и, вдруг выхватив из ножен шашку, с бешенством ударил по дубовому кусту (Куприн).</p> <p>Agamałow z nabiegłymi krwią oczyma obejrzał się wokoło, wyciągnął nagle szablę z pochwy i uderzył z wściekłością w mały dąb.</p>	<p>Там [в сумасшедшем доме] разрешается ползать нагишом по полу, выть шакалом, беситься и кусаться (Гашек).</p> <p>Člověk tam může lezt nahej po podlaze, vejt jako šakal, zuřit a kousat.</p>
---	--

Передавая гнев, рассматриваемые лексемы обозначают его крайние проявления, когда человек может терять контроль над собой.

В русском языке наиболее частотным в этой группе является слово *бешенство* и связанные с ним словообразовательно глаголы *беситься*, *взбеситься*, отглагольное прилагательное *бешеный*, наречие *бешено*, а также фразеологизмы *бес попутал* (кого-то), *бес вселился* (в кого-то), *бес овладел* (кем-то). Легко заметить, что в обозначениях данной эмоции концептуализировались представления о бесе, вселяющемся в человека и руководящем его действиями (в том числе и в момент гнева).

В польском и чешском языках также имеются языковые средства, отражающие подобные представления. Так, в польском языке существуют глаголы *biesić* ‘бесить’, *zbiesić się* ‘взбеситься’, фразеологизмы *bies kogoś opętał* (букв. ‘бес кого-то опутал’), *bies w kogoś wstąpił* (букв. ‘бес в кого-то вступил’). Чешский язык обладает такими лексическими единицами, как глаголы *běsnit* ‘беситься’, *rozběsnit* ‘взбесить’, отглагольное существительное *běsnění* ‘неистовство’, прилагательное *zběsilý* ‘бешеный’, фразеологизм *běs někoho chytil* (букв. ‘бес кого-то схватил’). Кроме того, чешск. *běs* может обозначать не только черта, но и – метонимически – действие, связанное с ним, – ‘буйство, неистовство’ [ЧРС: I; 51]. См., например:

Его обуяла **ярость**: – Я это говорил, чтобы испытать тебя! (Кундера)

Chytil ho běs: „Říkal to, abych tě zkoušel.

Франтишек весь пылал от возбуждения, а угроза Ружены и вовсе так **взбесила** его, что он вошел в зал и захлопнул за собой дверь (Кундера).

František byl rudý v tváři a Růženina výhrůžná slova ho **rozběsnila** natolik, že vkročil do místnosti a zapráskl za sebou dveře.

Они всегда, как увидят пана Бретшнейдера, говорят только про футбол, а его от этого передергивает – того и гляди судороги сделаются и он **взбесится** (Гашек).

Oni si vždycky, když ho vidí, vypravují jen o fotbalu. A on sebou cukal, jako kdyby každou chvíli chtěl **běsnit** a svíjet se.

[Я] пришла к выводу, что для меня лучше было бы, если бы мой партнер **взбесился** и возвратился к матери, к роялю, избавив меня от необходимости продолжать игру. Однако он **не взбесился** и не возвратился. (Сосновский).

Dla mnie byłoby najlepiej, gdyby mój partner **się zbiesił** i wrócił do matki, do fortepianu, żebym nie musiała grać w to dalej. Ale nie **zbiesił się** i nie wrócił.

Однако следует отметить, что в польском языке наиболее частотным средством в этой группе является слово *wściekłość* 'бешенство' и связанные с ним словообразовательно *wściekły, zaciekły*, а в чешском – не только их этимологические соответствия *vztek, vzteklý*, но и слово *zuřivost* 'ярость' и его дериваты, находящиеся на границе ядра и периферии чешской системы. Ср. в параллельных текстах:

И все же – на одного пациента здесь приходится не менее девяти пациенток, что доводит до **бешенства** незамужнюю молодую женщину, медсестру Ружену, обслуживающую в бассейне бесплодных дам (Кундера).

Přesto však na jednoho pacienta jet u devět pacientek, což je k **vzteku** pro svobodnou mladou ženu, která tu pracuje jako zdravotní sestra a obsluhuje u bazénu neplodné dámy.

Он [Бек-Агамалов], с глазами, налившимися кровью, оглянулся кругом и, вдруг выхватив из ножен шашку, с **бешенством** ударил по дубовому кусту (Куприн).

Agamałow z nabiegłymi krwią oczyma obejrzał się wokół, wyciągnął nagle szablę z pochwy i uderzył z **wściekłością** w mały dąb.

Měla na nego vždycky **vztek**, když se z hraným údivem ptal proč má zastavovat (Кундера).
русск. Она всегда **сердилась** на него, когда он с наигранным удивлением спрашивал, почему ему надо притормаживать.

польск. Zawsze była na niego **wściekła**, kiedy z udanym zdziwieniem pytał, dlaczego ma się zatrzymać.

- Молчать! – вскричал Пилат и **бешеным** взором проводил ласточку, опять впорхнувшую на балкон (Булгаков)

польск. – Zamilcz! – krzyknął Pilał i powiódł **wściekłym** spojrzeniem za jaskółką, która znowu wpadła pod kolumnadę.

чешск. „Mlč!” zahřměl Pilał a **zuřivě** sledoval vlařtovku, která znovu vléřla na kolonádu.

В **бешенстве** на себя, Левий выбрался из толпы и побежал обратно в город (Булгаков).

польск. **Wściekły** na siebie wydostał się z tłumu i pobiegł z powrotem do miasta. – чешск. Prodrał se davem a **rozzuřen** sám na sebe běžel zpátky do města.

Определения эмоций *wściekłość* и *vztek* в толковых и психологических словарях позволяют выделить их основные характеристики. Польская эмоция *wściekłość* характеризуется как «nierozhamowany gniew» [SJP: III; 776-777], т.е. «безудержный (букв. «не поддающийся торможению») гнев», «bardzo trudna dla opanowania gwałtowna reakcja emocjonalna silnego gniewu» [SP: 312], т.е. «очень трудная для обуздания бурная эмоциональная реакция сильного гнева». Чешск. *vztek* также определяется как «prudký hněv» [SSČ: 531], т.е. «бурный гнев». Таким образом, важнейшие черты этих эмоций – бурность, безудержность, необузданность.

Эмоция *бешенство* / *wściekłość* / *vztek* обычно возникает из злости, которую человек так или иначе способен контролировать.. Как только этот контроль над собой утрачен, человек выходит из себя и его злость превращается в *бешенство* / *wściekłość* / *vztek*. После вспышки, взрыва

этой эмоции человек нуждается как минимум в передышке, поэтому довольно быстро наступает успокоение, которое может перерасти даже в депрессию. См., например:

Капрал **зарычал**. Это нельзя было назвать ревом. То был рык, выражавший **гнев, бешенство и отчаяние**, слившиеся воедино. <...> После этого рыка у капрала наступила полнейшая **депрессия**. Он сел на лавку, и его водянистые, невыразительные глаза уставились вдаль, на леса и горы. (Гашек)

Desátník **zařičel**. Nebylo možné říci, že zařival. **Hněv, vztek, zoufalství**, vše se slilo v řadu silných zvuků <...> Po tom zařičení nastoupila úplná **deprese**. Desátník posadil se na lavici a jeho vodové, bezvýrazné oči utkvěly v dálce na lesy a hory.

Чешский психолог П. Гартль отмечает еще одну черту эмоции *vztek*, замечая, что это «afektivně pomstychtivý hněv» [Hartl: 304], т.е. «аффективно-мстительный гнев». Примеры из параллельных текстов позволяют распространить эту характеристику и на польскую эмоцию *wściekłość*:

Чешский оригинал	Польский перевод	Русский перевод
Teď přišla chvíle pomstít se za všechno a ukoupit svůj vztek , jenomže já jsem v té chvíli žádný vztek necítil (Кундера).	Oto nadeszła chwila, by zemścić za wszystko i wyladować swoją wściekłość , tylko że ja w tej chwili żadnej wściekłości nie czułem.	Сейчас настала минута, когда я мог бы отомстить за все и тем самым убогатворить свой гнев , однако никакого гнева в эту минуту я не испытывал.
Ještě stále nacházela Alice pohotovové odpovědi, ale neměla je raděj nacházet, protože rozdraždila Eduardův mstivý vztek (Кундера).	Wciąż jeszcze znajdowała Alicja zręczne repliki, ale lepiej by było, gdyby ich nie znajdowała, ponieważ podsyłała nimi tylko mściwą wściekłość Edwarda.	Алица все еще пыталась найти подходящие ответы, но лучше бы она их не находила – ими она лишь разжигала его мстительный гнев .

С другой стороны, в русской эмоции *бешенство* оттенок мстительности отсутствует, поэтому в приведенных выше примерах в русском переводе и используется лексема *гнев*.

Весьма интересна и этимология лексем *wściekłość* и *vztek*. Чешский этимолог И. Рейзек, выделяя в чешской лексеме префикс *vz-*, обозначающий движение вверх, и корень *-tek-*, передающий движение жидкости, полагает, что данное слово буквально означает излитие жидкости вверх [Rejzek: 728]. Иными словами, исследователь считает, что в лексеме *vztek* словообразовательными средствами реализовалась метафора «гнев – это кипящая жидкость».

Польский лингвист В. Борьсь высказывает другую и, как кажется, более убедительную этимологию. По его мнению, семантика бурного гнева у глагола *wściesc* и прилагательного *wściekły* является вторичной и возникла лишь в 15-16 вв. в результате метафорического переноса значения ‘быть больным бешенством’ (по-польски ‘zachorować na wściek-

lízně'). При этом корень *-ciek-* обозначает в данных словах не движение жидкости, а быстрое движение вообще (ср. русск. *броситься наутек*, а также в аналогичном значении польск. *uciekać* 'убегать, спасаться бегством'). Такое движение, как известно, является характерным для животных, больных бешенством [Boгуś: 715]. В пользу этой версии говорит и тот факт, что авторы «Старославянского словаря», где имеется перевод слов как на русский, так и на чешский язык, приводят лексему **ВЪСТОЧИВЪ**, в которой выступает другой фонетический вариант корня *tek-. В качестве русского эквивалента этой лексеме приводятся *неистовый* и *бешеный*, в качестве чешского – *zuřivý* и *vzteklý* [ССС: 156].

Значительную активность в рассматриваемой группе обнаруживает польская эмоция *szal* и ее дериваты, а также этимологически соответствующая ей чешская эмоция *šilenství*. Соответствующими лексемами может обозначаться не только психическое расстройство или гнев (см. примеры выше), но и вообще такое поведение, которое выходит за рамки общепринятых норм. Показательно, что в последнем случае в русском языке употребляются лексемы *неистовство* (букв. 'неистинное поведение'), *исступление* (букв. 'выход из себя'). См., например:

Аннушка отбежала от окна, спустилась вниз к своей двери, быстрехонько открыла ее, спряталась за нею, и в оставленной ею щелке замерцал ее **исступленный** от любопытства глаз (Булгаков).

польск. Annuszka odbiegła od okna, zeszła pół piętra do swoich drzwi, szybcieuteńko je otworzyła, schowała się do przedpokoju i w wąskiej szparze niedomkniętych drzwi zamigotało jej **oszałale** z ciekawości oko.

Тогда луна начинает **неистовствовать**, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом (Булгаков).

польск. Wówczas księżyc zaczyna **szaleć**, zwała potoki światła wprost na Iwana, rozbryzguje to światło na wszystkie strony, w pokoju wzbiera księżycowa powódź, blask faluje, wznosi się coraz to wyżej, zatapia łóżko. To właśnie wtedy Iwan ma we śnie taką szczęśliwą twarz.

Интересно, что лексемой *szal* по-польски можно обозначить и состояние человека, испытывающего приятные эмоции, например, радость, любовь и подобные страстные чувства, проявляющиеся без меры, например:

Он был уже совсем спокоен, настолько, что это спокойствие его даже пугало. **Неистовство** страстей исчезло, и он спрашивал себя, действительно ли эту женщину он любит? (Прус). – Już był zupełnie spokojny, tak spokojny, że aż go to przerażało. Opuścił go **szal** miłości i nawet pytał sam siebie: czy ona jest kobietą, którą kochał?...

Панна Ленцкая – красавица, спору нет, но ведь она всего только женщина, и не стал бы Стах ради нее совершать такие **безумства**... (Прус). – Panna Łęcka piękna bo piękna, ale przecie jest tylko kobietą i dla niej Stach nie popełniałby tylu **szaleństw**.

Поэтому у рассматриваемых лексем (как и у их русских этимологических соответствий типа *шалльной*) имеются положительные коннотации, свидетельствующие о синкретичной, позитивно-негативной, оценке соответствующего состояния и поведения по крайней мере в прошлом. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в польском языке у глагола *szaleć* (и его производных *szaleństwo, szalony*) выделяется периферийное значение «spędzać czas na hulankach, zabawach, pijatykach, bawić się, hulać» [SJP: III; 291], т.е. «проводить время в гулянках, забавах, пьянстве, забавляться, гулять». Польские этимологи отмечают аналогичное значение в 18 в. и у слова *szal*, характеризуя его как «hulaszcza zabawa, hulanka, orgia» [Boryś: 591-592]. Важно отметить, что польский глагол *hulać*, в отличие от русского *гулять*, лишен значения ‘совершать прогулку, променады’, которое по-польски передается заимствованным из немецкого языка словом *spacerować*.

В совместной с С.З. Агранович монографии «Миф в слове: продолжение жизни» мы показали, что глаголом *гулять* в славянских языках первоначально синкретически обозначалось и коллективное шествие по определенному маршруту, и впадение во временное экстатическое возбуждение, и демонстративное сексуальное поведение [см. I; 26-29]. По-видимому, польский глагол *szaleć* и его производные (как и их этимологические соответствия в других славянских языках) первоначально обозначал эмоциональное состояние «священного безумия», которое испытывали участники таких празднеств. Весьма сходное эмоциональное состояние описано в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда после сеанса черной магии произошло «разоблачение» развратника Семплеярова:

К Семплеяровской ложе бежала милиция, на барьер лезли любопытные, слышались *адские взрывы хохота, бешеные* крики, заглушаемые золотым звоном тарелок из оркестра (Булгаков).

Milicjanci biegli w kierunku loży Siempiarowa, gapie włązili na poręczce krzesel, słycać było *wybuchy piekielnego śmiechu, oszalałe* krzyki, które zagłuszał złoty brzęk talerzy orkiestry.

Показательно, что в разных славянских языках у лексем, восходящих к корню *šal-, отмечаются значения ‘шутить’, ‘обманывать’, а сложные существительные со значением лица, в состав которых входит данный корень, обозначают людей, для которых характерно деструктивное поведение. См., например, приводимые в словаре М. Фасмера слова *шалáбола* ‘пустой человек’, *шалабурда* ‘ротозей’, *шалава* ‘негодяй, бродяга, развратник’, *шаломут* ‘смутьян’, *шалопут* ‘бездельник, кутила’ [Фасмер IV: 396-400]. Слова с подобными коннотациями возникли и

из другой фонетической ипостаси соответствующего праславянского корня *хѡl-: *холуй* ‘слуга, лакей, лакействующий приспешник’, *подхалим* ‘низкий, подлый льстец’, *охальник* ‘нахал, озорник’, *нахал* ‘грубый, бесцеремонный человек’ [см. Фасмер, Черных, Brücker]. Все перечисленные реалии так или иначе восходят к уже упоминавшейся фигуре трикстера. Таким образом, семантика корня *šal- эволюционировала от синкретически нерасчлененного состояния священного безумия во время гулянок и празднеств к различным формам неестественного поведения, в том числе к гневу и сумасшествию.

В русских параллельных текстах лексемам *szal* и *šilenství* и их производным чаще всего может соответствовать слова *безумие*, *безумство* и их дериваты. См., например:

Седока трепало на сиденье, и в осколке зеркала, повешенного перед шофером, Римский видел то радостные глаза шофера, то **безумные** свои (Булгаков).

польск. *Pasażera podrzucało na siedzeniu i w wiszącym przed kierowcą kawałku lusterka Rimski widział to rozradowane oczy kierowcy, to swoje, oszalałe.*

После десяти минут **безумного** бега я буквально врезалась в сетку, благодаря чему могла не мучаться сомнениями – под током она или нет (Сосновский).

Po dziesięci minutach **oszalego** biegu wpadłam na tę siatkę; dzięki temu mogłam nie rozważać, czy aby nie jest pod prądem.

Я в прошлом году решила промотать уйму денег. Управляющий и кассир уверяют меня, будто я истратила двадцать семь тысяч... Я **безумствовала** – и все же не разогнала скуку... (Прус).

Ja w roku zeszłym postanowiłem wydać masę pieniędzy. Plenipotent i kasjer zapewniają mnie, że wydałam dwadzieścia siedem tysięcy... **Szalałam**, no – i nie spłoszyłam nudów.

И меня до **безумия** **возбуждала** именно эта преданность, смешанная со **стыдом**; когда я подошел к ней, она **съежилась** и закрыла руками лоно... (Кундера)

A mne **vzrušovala** k **šilenství** právě ta oddanost smíšená s **ostychem**; když jsem k ní přistoupil, **skrčila se** a zakryla si rukama klín...

Сущее **безумие!** (Кундера)

To bylo **šilenství!**

Показательно, что русск. *безумие* и *безумство* могут использоваться с положительными коннотациями. См., например:

Построить город там, где город построить нельзя, – само по себе **безумие**; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов [Венецию] – **гениальное безумие** (Герцен). [БАС₂: I; 447-448]

Безумству храбрых поем мы *славу!* **Безумство** храбрых – вот *мудрость* жизни (Горький). [БАС₂: I; 449]

Интересно, что в первом издании БАС специально ради этой цитаты из горьковской «Песни о Соколе» было выделено новое значение лексем *безумство* – «переносно: дерзание, великая смелость» [БАС: I;

364]. Во втором издании это отдельное значение снято. Вместе с тем, как кажется, в данном случае мы имеем дело не столько с парадоксальной индивидуально-авторской лексической сочетаемостью, сколько с использованием древнего семантического потенциала лексемы *безумство*.

Этот потенциал использован и в следующем фрагменте из научного текста, рассказывающего об античных ритуальных практиках:

Античная эстетическая традиция знала и «*безумство*», одержимость «мусическим восторгом», экстазы пения и плясок. (Сидоров) [БАС2: I; 449].

Кавычки, сигнализирующие о необычном для современного языка значении и употреблении слова *безумство*, в данном случае вполне правомерны. Но в данном случае вновь имеет место использование древнейшего семантического потенциала данной лексемы, обозначающей «священное безумие».

Две других польских лексемы из этой группы – *furia* и *pasja* – являются заимствованиями из латыни. Первая из них сохранила значение языка-источника (лат. *furia* означает ‘сильный гнев, ярость’). Данная лексема выступает в польском языке прежде всего как медицинский термин, обозначающий «резкое помутнение сознания с бурным возбуждением, являющееся проявлением некоторых психических заболеваний и отравлений» и лишь в разговорном языке может использоваться в значении «приступ гнева, злости, бешенства» [SJP: I; 620].

Слово *pasja* после заимствования в польский язык пережило несколько семантических изменений. Лат. *passio* означает ‘страдание’ и было заимствовано во многие европейские языки прежде всего для обозначения страстей (т.е. страданий) Господних. Во многих европейских языках данное заимствование образовало новое, второе, значение – ‘страсть, увлечение чем-либо или предмет этого увлечения’. В этом значении рассматриваемая лексема попала и в русский язык, обозначая (чаще всего с ироническим оттенком) объект чьей-нибудь любви (см. *Это его новая пассия*). Наконец, в польском языке слово *pasja* стало употребляться в качестве эвфемизма вместо *furia* и получило третье значение ‘ярость, бешенство, приступ гнева’ В результате фразеологизм *szewska pasja* (букв. ‘сапожничье увлечение’) стал обозначать вместо страсти к пьянству сильный гнев [см. Wańkowski: I; 509].

В современном польском языке лексемы *furia* и *pasja* имеют некоторые семантические различия. Так, сравнивая фразы *Zerwał się ku wyjściu i z pasją dzrwi za sobą zatrzasnął* и *Zerwał się ku wyjściu i z furią dzrwi za sobą zatrzasnął* (обе переводятся на русский язык как *Он рванулся к выходу и с яростью захлопнул за собой дверь*), польская исследовательница

ца А.Миколайчук отмечает, что в первом случае субъект испытывает удовольствие находиться в состоянии гнева, во втором случае этот оттенок отсутствует [8; 126]. Очевидно, этот оттенок удовольствия, получаемого от гнева, вносится лексемой *pasja* под влиянием ее второго значения ‘страстное увлечение’.

Языковые средства, рассмотренные в статье, представлены в таблице:

Языковые средства, обозначающие гнев, граничащий с психической болезнью

Значение	Русский язык	Польский язык	Чешский язык
‘крайние проявления гнева’	бешенство	<i>biesić, zbiesić się</i>	<i>běsnit, rozběsnit, běsnění, zběsilý</i>
		<i>wściekłość</i>	<i>vztek</i>
‘неестественное поведение’	<i>шалить, шалеть, шальной</i>	<i>szal</i>	<i>šílenství</i>
	неистовство исступление буйство безумие / безумство	<i>furia pasja</i>	

Из таблицы видно, что во всех сравниваемых языках имеются лексемы с корнем *bēs- (для обозначения крайних проявлений гнева) и *šal- (для обозначения неестественного, выходящего за пределы нормы поведения). Однако первый из них используется для обозначения имени эмоции только в русском языке, а второй – только в чешском и польском. Чешский и польский языки сходны с т.з. использования корня *tek- для обозначения эмоции *vztek* / *wściekłość*. Своеобразие польского и русского языков заключается в значительном числе заимствованных слов, употребляемых в значении ‘неестественное поведение’. В польском языке заимствованные *furia* и *pasja* восходят к латыни, русские *неистовство* и *исступление* – к старославянскому языку.

Л и т е р а т у р а

1. *Агранович С.З., Стефанский Е.Е.* Миф в слове: продолжение жизни. – Самара: Изд-во СаГА, 2003.
2. *Агрессия в языке и речи: Сб. научных статей.* – М.: РГГУ, 2004.
3. *Вежбицкая А.* «ГРУСТЬ» и «ГНЕВ» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 15-43.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 35. – 148 с. ISBN 978-5-317-02164-1

4. Эмоции в языке и речи: Сб. научных статей. – М.: РГГУ, 2005.
5. Anatomia gniewu: emocje negatywne w językach i kulturach świata. – Warszawa: Wydawnictwo uniwersytetu Warszawskiego, 2003.
6. Borek M. Predykaty wyrażające dyskomfort psychiczny w języku rosyjskim w konfrontacji z językiem polskim. – Katowice: Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 1999.
7. Język a kultura. Acta Iniversitatis Wratislaviensis No 2229, T. 14. – Wrocław, 2000.
8. Mikolajczuk A. Problem ocen w analizie wybranych polskich nazw uczuć z klasy semantycznej gniewu // Język a kultura. Acta Iniversitatis Wratislaviensis No 2229, T. 14. – Wrocław, 2000. – S. 117-134.

С л о в а р и и и х с о к р а щ е н н ы е о б о з н а ч е н и я

- [БАС] Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. Изд-во АН СССР. – М.-Л., 1954.
- [БАС₂] Словарь современного русского литературного языка. В 20 тт. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991.
- [ССС] Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). – М.: Русский язык, 1994.
- [Фасмер] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. – М., 1987.
- [Черных] Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 тт. – М.: Русский язык, 1993.
- [ЧРС] Чешско-русский словарь. В 2-х тт. – Изд. 2-е, стереотип. – М. – Прага, 1976.
- [Bańkowski] Bańkowski A. Słownik etymologiczny języka polskiego. W 3 tt. – Warszawa: PWN, 2000.
- [Boryś] Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków, 2005.
- [Brückner] Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
- [Hartl] Hartl P. Stručný psychologický slovník. – Praha: Portál, 2004.
- [Rejzek] Rejzek J. Český etymologický slovník. – Praha: Leda, 2001.
- [SP] Słownik psychologii. – Kraków: Zielona Sowa, 2005.
- [SJP] Słownik języka polskiego / Red. naukowy M.Szymczak. W 3 tt. – Warszawa, 1981.
- [SSC] Slovník spisovné češtiny. – Praha: Akademia, 2004.

Т е к с т ы

- Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Избр. произведения. В 2 т. Т.1 – Минск: Мастацкая літаратура, 1991. – С. 282-655.
- Гашек Я. Приключения храброго солдата Швейка. – Кишинев, 1972.
- Кундера М. Смешные любви. – СПб: Азбука, 2001.
- Кундера М. Шутка. – СПб: Азбука-классика, 2003.
- Кундера М. Вальс на прощание. – СПб.: Азбука-классика, 2003.
- Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Собр. соч. В 5 тт. – М.: Правда, 1982. Т. 2, С. 216-439.
- Прус Б. Кукла. – М.: ЭКСМО, 2003.
- Сосновский Е. Апокриф Аглаи. – СПб: Азбука-классика, 2004.
- Bulgakov M. Mistr a Markétka. – Praha: Kma, 2003.
- Bulhakow M. Mistrz i Małgorzata. – Warszawa: MUZA SA, 2004.
- Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. – Praha, 2000.
- Kundera M. Směšné lásky. – Brno: Atlantis, 2000.
- Kundera M. Šmieszne miłości. – Warszawa: PIW, 2001.
- Kundera M. Žert. – Brno: Atlantis, 1996.
- Kundera M. Valčík na rozloučenou. – Brno: Atlantis, 1997.
- Kuprin A. Pojedynek. – Warszawa: Czytelnik, 1980.
- Prus B. Lalka. – Kraków: Zielona Sowa, 2002.
- Sosnowski J. Apokryf Aglai. – Warszawa: WAB, 2004.